

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ИМЕНА В РАССКАЗАХ И ФЕЛЬЕТОНАХ И. ИЛЬФА И Е. ПЕТРОВА 1929–1937 ГГ.

А. А. Прокубовский

*Кандидат филологических наук
Московский государственный
университет имени М. В. Ломоносова
г. Москва, Россия*

PRECEDENT NAMES IN THE STORIES AND FEUILLETONS OF I. ILF AND E. PETROV 1929–1937

A. A. Prokubovsky

*Candidate of Philological Sciences
Moscow State University Lomonosov
Moscow State University
Moscow, Russia*

Abstract. This article observes different types of precedent names in the stories and satires written by Ilya Ilf and Evgeny Petrov. These stories often contain a lot of interesting language material. The examples are various; they can be used in practical classes for the University course named «Russian Language and Speech Culture».

Keywords: Russian language and speech culture; writer's idiosyncrasy; precedent names; language game.

1. В одной из публикаций А. А. Прокубовского, касающихся преподавания университетского курса «Русский язык и культура речи», было сформулировано несколько возможных принципов отбора материала для семинаров по данному курсу [3, с. 408–412]. Одним из таких принципов был назван юмор в примерах [там же, с. 412]. Преподавая курс с 2012 года, автор на своих семинарах неоднократно использовал в примерах и упражнениях языковой материал из произведений М. Е. Салтыкова-Щедрина, С. Я. Маршака, М. М. Зощенко и других отечественных мастеров сатиры и юмора, что нередко помога-

ло студентам лучше усваивать материал. В настоящей работе автор делает попытку отразить один из аспектов творчества И. Ильфа и Е. Петрова – precedentные имена (в рамках курса понятие precedentности относится к теме «Этнопсихоллингвистика» [2, с. 272]) – в отдельной статье.

Илья Ильф и Евгений Петров известны широкому кругу читателей в первую очередь как авторы дилогии о великом комбинаторе Остапе Бендере. Вместе с тем они оставили огромное литературное наследие: повести, водевили, киносценарии и другие произведения, которые сейчас по большей части забыты, одна-

ко во многом не теряют своей актуальности и, кроме того, содержат примечательный с лингвистической точки зрения материал. Автор рассматривает малую прозу И. Ильфа и Е. Петрова: рассказы, очерки, фельетоны 1929–1937 гг. – на предмет различных прецедентных имён. Для анализа были взяты тексты из Собрания сочинений в пяти томах [1]. (В работе сознательно не разграничиваются произведения, созданные писателями вместе и по отдельности, поскольку идиостили И. Ильфа и Е. Петрова, взятых порознь, очень близки как друг к другу, так и к совместному идиостилю авторов.)

Прецедентные имена, использованные И. Ильфом и Е. Петровым в их малой прозе, достаточно легко делятся на обозримые группы, каждой из которых посвящается отдельный параграф.

2. Имена реальных людей.

2.1. В первую очередь обращает на себя внимание обилие фамилий современников И. Ильфа и Е. Петрова: советских политических деятелей (*Ленин, Калинин*), писателей (*Катаев, Олеша, Эренбург*), художников (*Дейнека, Моор*), театральных деятелей (*Немирович-Данченко, Мейерхольд*), кинорежиссёров (*Эйзенштейн, Довженко, Роом*) и даже музыканта-вундеркинда (*Яша Хейфец*). Не обойдены вниманием и почитаемые герои Советского Союза: *Хороши были бы Каманин и Молоков, если б, вместо того чтобы спасать челюскинцев, они сидели в тёплой юрте перед столом ... с походным графинчиком и колокольчиком* (Любовь должна быть обоюдной). Часто упоминается

О. Ю. Шмидт: например, герой фельетона «Костяная нога», плутуя, называет себя *челюскинцем и лучшим другом Отто Юльевича Шмидта*.

2.2. Наиболее часто из этого перечня используются имена советских писателей, и это не случайно: И. Ильфа и Е. Петрова не могли не волновать актуальные вопросы литературы. Так, через фельетон «Литературный трамвай» проходит рефреном фраза *А о Зоценко опять ничего не пишут*. Вместе с тем в анализируемых произведениях встречаются и фамилии литераторов прошлого, как отечественных, так и зарубежных. Они упоминаются в связи: а) с крылатыми словами конкретных авторов (*Летать надо, товарищи, а не ползать. Это давно дал понять Алексей Максимович. – Любовь должна быть обоюдной*) и вообще с цитированием: *Правда ли, что ваш смех – это не наш смех, а их смех? – Не будьте идиотом! Ответ заимствован у Б. Шоу* (Под сенью изящной словесности); б) с известными литературными произведениями («*Робинзон Крузо*», или как пишется в иных переводах, – «*Робинзон Крузоэ*» Даниэля Дефоэ. – Мы Робинзоны), в том числе с использованием приёма несоответствия для создания комического эффекта: *Надо сократить. Пусть будет просто «Три сестры» ... – Было уже такое название ... Кажется, у Тургенева* (Пташечка из Межрабпомфильма); в) с писательским идиостилем – как с положительной, так и с отрицательной оценкой: *Совсем как Герцен стал писать. Просто «Былое и думы»*

(Литературный трамвай); *Исбах далеко не Бальзак, но этот Подпругин такой уже не Бальзак!* (Когда уходят капитаны); г) с избитыми сюжетными приёмами: *Автор должен сознаться, что сперва он хотел посадить старого Дыркина на уэльсовскую «машину времени», ... но потом вспомнил, что об этом уже писал некий современный фельетонист* (Последний из могикан); д) с собственно родами и жанрами литературы: *Усадив жену и свояченицу за подсчёт реплик в пьесах Мольера и Бомарше, Полуэксов принялся разрабатывать сюжет («Зауряд-известность»); е) с известными фактами из жизни писателей и поэтов (Любовь к шефам остаётся платонической, холодноватой, вроде как между Лаурой и Петраркой. – Для полноты счастья), иногда с применением шуточных анахронизмов: *Ему [Гёте] нужно было внести пай в РЖСКТ «Веймарский квартирник-жилищник», а денег не было. Пришлось ему написать «Фауста»* (Я, в общем, не писатель); ж) с особенностями творчества литераторов как такового: *Они едут в деревню, изучают быт и сдвиги, ... наполняют записные книжки материалами, вообще ведут себя, как Флоберы или Иваны Сергеевичи Тургеневы* (Бродят по городу старухи); з) с актуальными (причём не только в 1930-е годы) проблемами писательской профессии: *Но даже в этом случае нужно ли было расходовать государственные деньги? Разве Лев Николаевич Толстой ходил к маме Наташи Ростовской просить денег**

на описание её дочки? (Писатель должен писать).

Ряд прецедентных имён касается не только литературы, но и искусства в целом (*Имена Верди, Чайковского, Вагнера, Глинки ... для меня священны. – Нюрнбергские мастера пения*), а некоторые используются в метафорическом смысле: *Значит, два Гончарова и один Верещагин* (Начало похода). В фельетоне «Королевская лилия» тип художника-халтурщика, изготавливающего подделки под старинные полотна, язвительно назван *Рубенсом-Айвазовским*. В этой окказиональной фамилии национальное ставится в один ряд с интернациональным, но если обычно подобные контексты у Ильфа и Петрова нейтральны, то этот явно содержит негативную оценку явления.

2.3. Фамилии зарубежных политических деятелей первой трети XX века, как правило, вводятся авторами в комические куплеты (*А ты не видел? У Бриана торчали пушки из кармана. – Так принято*), каламбурные словообразования (*Может, хочешь про Ллойд-Джорджа? Например – целлуллойдджорджик... – Юморист Физикевич*), окказионализмы, обыгрывающие традиционное поведение деятелей: *Забыв про свои получемберленовские манеры, ... теннисист цепляется за поручни трамвая* (Честное сердце болельщика). Это характерно для советской сатирической литературы, обличавшей Запад.

Как полагалось при Советской власти, ссылки на имена русских императоров у авторов окрашены

негативным отношением к монархии: *«Николай II 1895 г. повелел: «Быть железной дороге». 1898 г. исполнено». В февральскую революцию медная эта глупость была сорвана рабочими руками (Перегон Москва – Азия). В фельетоне «У самовара» (К цветам и скрипкам добавляется ещё швейцар с бородой, как у Александра Третьего ... Как бы сказать, вечная, нетленная красота, вроде афинского Акрополя или римского Форума) царь даже сопоставляется с памятниками архитектуры или музейными экспонатами. Впрочем, некоторые имена известных деятелей культуры тоже снабжены характеристиками, необычными для нынешней эпохи, но привычными для 1934 года, когда реформировалась советская школа: Гоголь – ... вконец разложившийся и реакционно настроенный мистик (Разговоры за чайным столом). (В качестве отступления отметим, что подобный «коммунистический» подход, перетекающий в абсурд, касается и имён мифических персонажей: Парис – под личиной красавца скрывающий свою шкурную сущность ... Аяксы – два брата-ренегата (В золотом переплёте).)*

2.4. В рассказах и фельетонах упоминаются и другие исторические лица в подходящих по смыслу контекстах, например, по аналогии с эпизодом, ставшим легендой (*А может быть, высечь море? Уже высекли. Ксеркс высек. – Чёрное море волнуется*), в связи с географическими открытиями в определённых регионах (*Амундсен говорил, что к холоду привыкнуть нельзя. Ему можно поверить, не требуя*

доказательств. – Собачий холод), по сходству с популярными в массовой культуре изображениями (*На стенах появляются акварельные портретики различных красавиц из созвездия Наталии Гончаровой. – Королевская лилия*) и, наконец, просто в рамках фразеологизмов: *суд Линча* (Рецепт спокойной жизни), *качаловская пауза* (На купоросном фронте). Широко распространённые фамилии известных людей могут иронически обыгрываться: *Все Ивановы люди серенькие, а все Ивановы чем-нибудь да замечательны* (Случай в конторе). Иногда прецедентные имена искажаются по близкозвучию: *Савонарола? Или хотя бы Саванарыло?* (Саванарыло). В рассказе «Колумб причаливает к берегу», построенном на анахронизмах, мы находим забавный сюжет киносценария: *Вы играете роль Америго Веспуччи, в которого безумно влюблена испанская королева ... Но кардинал Ришелье подкупает Васко да Гама и при помощи леди Гамильтон добивается посылки вас в Америку.* Абсурдность этого текста становится понятной благодаря широкой известности имён деятелей мировой истории.

В одном ряду могут оказаться имена нескольких людей, живших в различные эпохи, но объединённых, например, по роду занятий; так, в произведении «Дело студента Сврановского» упомянуты три выдающихся оратора: *Ни Цицерон, ни Плевако, ни Брауде не могли бы представить суду более веских и разумных доводов в защиту обвиняемого.* А некоторые имена, относящиеся к разным эпохам, авторы

«сталкивают» в одном контексте только по близкозвучию (*Миниатюры времён, так сказать, Дантеса и Аллигери*. – Королевская лилия), порой подчёркивая невежество героев своих рассказов: *Дантон, всходя на эшафот, ... встретил смерть бодро*. – *Так то Дантес* (Даровитая девушка).

2.5. Периодически И. Ильф и Е. Петров делают имена знаменитостей фамилиями своих персонажей. В фельетоне «Рождение ангела» бригадой сценаристов, в которую входят *братья Поповы (Борис и Глеб)*, командует *Голенищев-Кутузов 2-й*; в рассказе «Добродушный Курятников» упоминается заслуженный деятель искусств *Тицианов* (образование фамилии на -ов от имени живописца). В цикле «1001 день, или Новая Шахерезада» фигурирует *Мусин-Гоголь*: перед нами обыгрывание составной фамилии Мусин-Пушкин, где одна из частей заменена фамилией другого писателя XIX века по ассоциативным связям.

2.6. Особая группа имён – специфические «советские» антропонимы, которые часто давались детям в первые десятилетия Советской власти (*Мальчика называли Доброхим, а девочку – Кувалда*. – Мать) и которые тоже можно назвать прецедентными именами в отношении конкретного государства и конкретной исторической эпохи.

3. Имена вымышленных персонажей.

3.1. Герои литературных произведений (отечественных и зарубежных) упоминаются в ситуациях, ко-

гда авторы акцентируют: а) внешнее сходство или, наоборот, несходство своих персонажей с популярными героями (*По сравнению с усатым Гулливером мальчик казался лилипутом*. – Давид и Голиаф; *Чёрт побери, она была очень красива ... И он был, чёрт побери, не Квазимодо... – Директивный бантик*), в частности, традиционные позы отдельных персонажей: *Стоишь, как какой-нибудь капитан Гаттерас, не сводя взгляда с приближающихся огней крейсера* (Начало похода); б) черты характера персонажей: *Вы просто сквалыжник ... Вы – Плюшкин! Гарпагон!* (Широкий размах); в) образ жизни персонажей: *Осталась только идиллия старосветской помещицкой жизни, как будто здесь жил не страстный Джордж Вашингтон, а какие-то американские Афанасий Иванович и Пульхерия Ивановна* (Тоня); г) род деятельности персонажей: *У следователей нет даже самых примитивных технических средств для расследования преступлений ... Попробовали бы поставить Шерлока Холмса в такие условия!* (В защиту прокурора); д) ситуации, схожие с описанными в популярной литературе: *Спасаются от кораблекрушения двое: наш Робинзон и председатель месткома* (Как создавался Робинзон); е) собственно эпизоды из литературных произведений, особенно из пьес, которые чаще воспринимаются визуально благодаря театральным постановкам: *Тогда за этим веретеном сидела Гретхен, а где-то неподалёку трепался Фауст* (Человек в бутсах); *В театре за*

один вечер спектакля Гамлет решает важнейшие вопросы (Новый дворец). Возможны и простые ассоциации известных книжных героев с их создателями: *У него есть только одно произведение. Он не Гёте, не Лопе де Вега ... Он не только не Сервантес, он и не Дон-Кихот и к донкихотству не склонен* (Любовь должна быть обоюдной). Персонажи отдельных рассказов И. Ильфа и Е. Петрова также бываю́т названы именами, уже встречавшимися в русской и мировой литературе: дворник *Герасим* (Интриги); фельетонист *Принц Датский* (Прошлое регистратора загса), использующий имя книжного героя в качестве псевдонима, как *Гаргантюа* в романе «Золотой телёнок».

Иногда не сразу бывает понятно, кого авторы имеют в виду: историческое лицо или литературного героя, имевшего реальный прототип: *Сам товарищ Алладинов выходил на улицу, одетый богаче, чем Борис Годунов в бытность его царём* (1001 день...). Однако благодаря аллюзии к тексту пьесы «Борис Годунов» – искажённому крылатому выражению (*На нём была богатая шапка, тяжёлая, как шапка Мономаха*) – мы можем сделать вывод, что в данном отрывке скорее подразумевается Борис Годунов как персонаж трагедии А.С. Пушкина.

Особняком стоят имена героев рассказа «Прошлое регистратора загса»: *Ипполит Матвеевич Воробьянинов, Клавдия Ивановна Петухова, Елена Станиславовна Боур*. Если учесть, что рассказ первоначально задумывался авторами как глава романа «12 стульев», то этот

факт не должен вызывать недоразумений. Однако такие имена, как *Валерьян Молокович* или *журналист Ошейников*, тоже могут быть обозначены как прецедентные: они встречаются исключительно у И. Ильфа и Е. Петрова, но при этом кочуют из одного фельетона в другой, помогая обличению негативных явлений в литературе и публицистике.

3.2. Имена героев народных сказок употребительны у И. Ильфа и Е. Петрова по ассоциациям и с личностными качествами персонажей рассказов и фельетонов (*Разве это человек? Ведь это баба-яга костяная нога!* – Костяная нога), и с временными периодами: *Этой остротой последовательно пользовались все пошляки, начиная с царя Гороха* (Весельчак). При этом авторы используют аллюзии не только к русскому фольклору: в цикле «1001 день, или Новая Шахерезада» в роли рассказчицы выступает *Шахерезада Шайтанова* (прецедентное имя в сочетании с «тематической» фамилией), а главным героем одной из новелл оказывается *товарищ Алладинов* (фамилия, образованная от широко известного имени персонажа). Имена персонажей античной мифологии чаще всего упоминаются во фразеологизмах (*Сквозь продранный носок видна его ахиллесова пята*. – Когда уходят капитаны), иногда нарочито искажённых: *Мы тут наметили года через два начать строить авгиевы конюшни* (Человек с гусем).

3.3. Отдельно отметим, что Ильф и Петров активно используют имена из Библии, причём по уже знако-

мым нам аналогиям с привычными изображениями библейских персонажей (*Худое благообразное лицо, что-то вроде апостола Луки. – 1001-я деревня*), с отдельными сюжетными эпизодами (*Засыпая, он видел, как на тёмной стене на манер валтасаровских «мене, текел, фарес» зажигаются три фосфорических слова. – Граф Средиземский*), с заявленными в тексте историческими эпохами (*Это времена Авраама, Исаака и Якова. Этому тысяча лет или две тысячи. – Глиняный рай*), а также с конкретными географическими объектами: *В этих районах [в Средней Азии] библейский бог создал Адама ... Поэтому не стоит удивляться тому, что старик лепил его из глины. Здесь нет другого материала (Глиняный рай)*.

В рамках пункта, касающегося визуального сходства, заслуживают особого внимания имена *Давид* и *Голиаф*, вводимые авторами в разнообразных контекстах. Так, в рассказе «Счастливый отец» это только клишированное сочетание пары имён: *А если двойня, как тогда назвать? ... – Называй как хочешь! Ну, Давид и Голиаф. – Или Брокгауз и Ефрон*. В другом рассказе, «Давид и Голиаф», библейские имена, вынесенные уже в заглавие, становятся условными обозначениями героев: маленького мальчика и мужчины крупного роста, вступающих в конфликт. Ситуация комична: два разновозрастных футбольных болельщика заключают пари (*Давид и Голиаф ударили по рукам*) и в продолжение матча ведут своего рода по-

единок: *Первая половина игры окончилась вничью. Давид и Голиаф смотрели друг на друга с нескрываемым отвращением*. Зато в историческом рассказе «Маленький негодяй», персонажи которого схожи с персонажами предыдущего лишь внешне, разворачивается совершенно иной конфликт между беспризорником и венгерским офицером: *Стенька ждал и не сходил с дороги. Офицер ... покосился, но не свернул. Давид ждал своего Голиафа. Голиаф самоуверенно стремился к гибели*. Как видим, аллюзия к одним и тем же именам у И. Ильфа и Е. Петрова может носить как шуточный, так и напряжённо-драматичный характер.

4. Географические названия.

4.1. Последняя тематическая группа прецедентных имён – топонимы. Причинами, обуславливающими использование И. Ильфом и Е. Петровым этих названий в текстах рассказов и фельетонов, становятся аналогии: а) с климатическими условиями конкретных регионов (*Отчего же так холодно? – А вы думали, что к хвосту антициклона Ялта привязана? – Собачий холод*), порой перетекающие в метафоры: *Дагестан по богатству природных условий может быть назван советской Калифорнией* (Необыкновенные страдания директора завода); б) с географическим положением населённых пунктов: *Лицо у инженера было такое утомлённое, словно он только что приехал из Владивостока, причём десять суток провёл в дороге* (Часы и люди); в) с уровнем экономического развития отдельных стран и горо-

дов: *А он [метрополитен] вдруг окажется не лучшим. Не так это просто сделать лучше, чем в Лондоне, Париже или Берлине («М»); г) с политическим строем различных государств: Вы там в Москве привыкли лечиться бесплатно. Но здесь нет советской власти. Это Америка (Тоня); д) с историческими событиями, касающимися определённых территорий: В этом лагере ещё больше неудачников, чем в любом лагере золотоискателей на берегах Юкона в Аляске (Великий лагерь драматургов); е) с национальными и культурными стереотипами: В первый же день после возвращения из Америки мы встретили довольно известного хозяйственника ... Он и не думал заводить пустяковых разговоров: не стал спрашивать, какой высоты нью-йоркские небоскрёбы (Часы и люди); На окраинах по косым берегам реки спускаются водные станции, ... а в центре города Персия – нищий целует поданную ему монету (Для моего сердца). Примечательно и каламбурное обыгрывание имени во фразеологизме *открыть Америку* и последующем контексте: *Открыли Америку. Если бы нам разрешили разлагающуюся Европу!* (Праведники и мученики).*

4.2. В очерках и фельетонах встречается также немало исторических топонимов, причём частотны библейские аллюзии (*Это местный и по счёту, кажется, уже десятый на земле Арарат. Жителями выдаётся за место остановки Ноева ковчега. – Перегон Москва – Азия*), иногда – в качестве аллегорий (*Весь старый город слеплен из глины ...*

Это Иерихон и Вифлеем. – Глиняный рай), иногда – просто в устойчивых оборотах: *Вы не знаете этой улицы. Содом и Гоморра (Тоня)*. В качестве метафор используются и другие мифические имена собственные, ставшие нарицательными: *Создалась ... легенда о литературном Эльдorado, о чудном месте, куда падают с неба бесплатные дачи, денежные пособия, колоссальные тиражи и опять-таки великая слава (Писатель должен писать)*. Наконец, топонимы, относящиеся как к древности, так и к новому времени, сатирически трансформируются уже в заглавиях фельетонов: *Великий канцелярский шлях; Россия-Го* (ср. Маньчжоу-Го – марионеточное государство, образованное в 1932 г.).

5. В заключение можно отметить, что разные типы прецедентных имён совмещаются в рассказе «Записная книжка», где горелитератор издаёт фальшивые записные книжки, якобы содержащие записи русских писателей: *Помещика зовут дядей Ваней. Это ясно ... Думаю съездить на Сахалин. Говорят – интересно ... Только что получил возмутительное известие о том, что академия кассировала выборы Максима Горького. А в очерке «День в Афинах» обнаружен совершенно оригинальный контекст, в котором имена различных явлений античной эпохи стали названиями заведений: *Мы ... промчались мимо кафе «Посейдон», кино «Пантеон», меблированных комнат «Парфенон» и слесарной мастерской «Марафон»*. Комический эффект здесь создают и ассоциативная связь*

между обозначенными феноменами, и каламбурная рифмовка.

6. Собранный автором работы материал может быть полезен на семинарах по курсу «Русский язык и культура речи» в рамках упражнений типа «Какие прецедентные имена использовали авторы в том или ином отрывке?», «Почему эти имена прецедентные? С чем связано их использование: с историческими событиями, литературными произведениями или другими феноменами?», «Какие комические приёмы используются в приведённых примерах: каламбур, анахронизм, другие средства?». Кроме того, автор планирует продолжить исследование прецедентности в творчестве И. Ильфа и Е. Петрова, подключив к именам прецедентные тексты и даты, что может послужить материалом для дальнейших публикаций по теме.

Библиографический список

1. Ильф И. А., Петров Е. П. Собрание сочинений в пяти томах. – М. : ГИХЛ, 1961.
2. Кортава Т. В. Русский язык и культура речи: учебное пособие. – М. : Московское отделение издательства «Учитель», 2015.
3. Прокубовский А. А. Принципы отбора иллюстративного материала для семинаров по курсу «Русский язык и культура речи» // Русский язык и литература: история и современность (вып. II). Сборник научных статей. – М. : МГОУ, 2015.

Bibliograficheskiy spisok

1. Il'f I. A., Petrov E. P. Sbranie sochinenij v pjati tomah. – M. : GIHL, 1961.
2. Kortava T. V. Russkij jazyk i kul'tura rechi: uchebnoe posobie. – M. : Moskovskoe otdelenie izdatel'stva «Uchitel'», 2015.
3. Prokubovskij A. A. Principy otbora illjustrativnogo materiala dlja seminarov po kursu «Russkij jazyk i kul'tura rechi» // Russkij jazyk i literatura: istorija i sovremennost' (vyp. II). Sbornik nauchnyh statej. – M. : MGOU, 2015.

© Прокубовский А. А., 2017.